

Юрий ПИСКУЛОВ

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ДОКТРИНЫ РЫНОЧНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

В статье анализируются основные положения книги чл.-корр. РАН Р.И. Хасбулатова «Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты», академика Е.М. Примакова «Минное поле политики» и книги «Мир без России?», американских исследователей Д.М. Котца и Ф. Вира «Путь России от Горбачева к Путину». В работе Р.И. Хасбулатова обосновывается, что продолжение неолиберал-монетаристской экономической политики привело к «затуханию» темпов экономического роста экономики западных стран и России. В то же время Китай, ряд других государств Азии, Латинской Америки, а также ЮАР развивались длительное время более успешно, поскольку избрали другие методы экономического регулирования. В монографии Е.М. Примакова обосновывается необходимость достижения согласия и компромиссов по международной политике, с учетом рисков, в т.ч. в обширных регионах Большого Ближнего Востока. В книге Дэвида М. Котца и Фреда Вира развивается идея Е.М. Примакова о важности перевода острых противоречий между Россией и США в плоскость переговоров, нахождения общих интересов как в области военно-политического сотрудничества, так и в других областях, в т.ч. в сферах науки, культуры и развития демократии.

Ключевые слова: кейнсианство, некейнсианство, неолиберализм, экономическая политика, экономический рост

Станный на первый взгляд выбор книг для рецензии¹ имеет свою логику и смысл. Их объединяет одна важная для экономической мысли и государственного строительства тема: неолиберализм, теория и практика рыночного фундаментализма в России, оказавшего и продолжающего оказывать большое влияние на содержание экономической политики и ее результаты. Странно, но до сих пор эти книги не рецензировались, если не считать отзыв на книгу Е.М. Примакова «Минное поле политики», которую с согласия Евгения Максимовича в 2007 г. автор этих строк опубликовал в журнале «Международная жизнь» № 3 с выводом: книга крайне полезная для правильной ориентации в российской действитель-

¹ См.: Хасбулатов Р.И. Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты. В 2-х кн. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014; Примаков Е.М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2006; Примаков Е.М. Мир без России? М.: Российская газета, 2009; Котц Д., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину. М.: УРСС, 2013.

ности и международной политике. Хотя, как отмечалось в рецензии, с некоторыми выводами можно поспорить. Это касается, например, тезиса о деидеологизации международных отношений².

Имена двух российских авторов рецензируемых работ — выдающихся политиков и экономистов — широко известны. Двое других широкому кругу читателей известны гораздо меньше. Дэвид Майкл Котц — профессор экономики Массачусетского университета (США), автор многочисленных исследований современной экономики, в т.ч. русскоязычной работы «Банковский контроль над крупнейшими корпорациями США» (1978 г.); Фред Вир — специалист по советской и российской истории, с 1986 г. живет и работает в Москве в качестве корреспондента ряда зарубежных агентств, газет и журналов.

Классическая и современные теории экономического роста

Сегодня, когда многие страны испытывают на себе последствия глобального кризиса 2008–2009 гг., а Россия — еще и влияние западных санкций, вопросы темпов экономического роста приобретают первостепенное значение. От того, насколько быстро их удастся восстановить, зависит не только экономическая, в т.ч. оборонная, мощь и благосостояние России, но и реализация ее амбициозных планов стать одной из независимых мировых держав. Пока на ближайшие год-два статистика и прогнозы обещают нулевые темпы. По этим показателям Россия вышла в конец списка стран БРИКС.

Известно, что правильно выбранные социально-экономические ориентиры, а также лежащая в их основе теория, задают динамику развития. Именно этот вопрос является центральным во всех рецензируемых работах.

Экономическая теория, лежащая в основе любой экономической политики, прошла длительный путь эволюции. Многие ее современные положения берут начало в классической политической экономии. Именно поэтому Руслан Хасбулатов, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г.В. Плеханова, чл.-корр. РАН, свой фундаментальный труд начинается с рассмотрения эволюции экономических теорий.

Автор выделяет трех великих ученых-экономистов: А. Смита, К. Маркса и Д. Кейнса.

Величайшей заслугой А. Смита, по словам Хасбулатова, можно считать то, что в рыночной экономике он увидел естественный саморегулирующий порядок. Ссылаясь на оценку теории Смита П. Самуэльсоном, автор отмечает, что невидимая рука, однако, действует далеко не как некий безотказный инструмент. Как только в экономике начинаются сбои и возрастают риски, рынок распадается, подталкивая экономику к кризису. В такой обстановке теория А. Смита оказывается бессильной³.

Главный труд Д. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» появился в качестве реакции на беспрецедентный для западных стран экономический кризис. Обосновав необходимость государственного

² В этой связи возникает вопрос, важный не только для предлагаемой рецензии. Какую идеологию исповедует сегодня государство российское? И кто за нее персонально ответственен? В Советском Союзе это был М.А. Суслов, в новой России — совсем недавно М.А. Сурков, а кто сейчас?

³ См.: Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С. 118.

вмешательства в экономику, Кейнс расширил не только инструментарий теоретического анализа, но и представления о механизмах и пределах регулирования экономики, прежде всего в ее кризисной стадии.

Пришедшая на смену кейнсианству, во многом альтернативная теория неолиберализма и основанная на ней практика дерегулирования первоначально анонсировалась как возврат к классическому либерализму Смита. Однако если классики либерализма исходили из необходимости заботы о человеке труда, создания достойных условий жизни, порицания расточительного использования богатства богатыми, то современный либерализм и особенно его неолиберальная разновидность, говорит Хасбулатов, стала теоретической базой политики, отражающей интересы крупных корпораций⁴.

Рождение неолиберализма

Датой явления миру экономического неолиберализма считается 1947 г., когда на швейцарском курорте Монт-Пелерин по инициативе австрийского экономиста Фридриха Хайека состоялось собрание группы философов и экономистов. Монт-Пелерин на десятилетия стал центром дискуссий теоретиков неолиберализма, поставивших перед собой задачу *контрнаступления на кейнсианство*.

Ф. Хайек, последователь Людвига Мизеса, одного из «отцов-основателей» австрийской экономической школы, был непримиримым борцом с кейнсианством и сторонником принципа абсолютного невмешательства государства в экономику. В 1938 г. Хайек был вынужден покинуть Австрию и иммигрировать в США, где преподавал в Чикагском университете. Там он примкнул к экономической школе Милтона Фридмана. Будучи ведущим представителем Чикагской экономической школы, М. Фридман также выступал с резкой критикой кейнсианской политики стабилизации и в целом кейнсианства как экономического учения. Именно с его именем связывается концепция монетаризма, наступление которой началось со второй половины 1970-х гг. Она была официально принята многими западными странами как методологическая база экономической политики выхода из кризиса 1970-х гг. А в 1976 г., после рекомендации ОЭСР, она обрела статус «международного монетаризма». Торжеству монетаризма, подчеркивает Хасбулатов, способствовало постулирование теоретиками неолиберализма *необходимости полного возвращения свободы предпринимательства* через отказ от госрегулирования. Этот тезис обеспечил ему поддержку со стороны крупного предпринимательства и представляющих их интересы политических лидеров, в частности, Р. Рейгана и М. Тэтчер⁵. Кейнсианство на время ушло в глухую оборону.

«Вашингтонский консенсус»

К началу 1990-х гг. обозначились «эталонные» программы неолиберального реформирования национальных экономик, в первую очередь проблемных и переходных, через либерализацию и приватизацию, сокращение госрасходов, ограничение роста денежной массы и кредитов. Неолиберальный

⁴ См.: Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С. 152–153.

⁵ Там же. С. 306, 314.

эталон получил название «Вашингтонский консенсус» как отражение достигнутого интеллектуального согласия либеральных экономистов и роли, которую сыграли в его разработке расположенные в Вашингтоне МВФ и Всемирный банк. Синонимом стал термин «шоковая терапия».

Установки «Вашингтонского консенсуса» и основные положения неолиберализма стали морально-правовой основой поведения США в глобальной экономике⁶. Десять принципов упомянутого консенсуса — от либерализации финансов, торговой политики и прямых иностранных инвестиций до широкой приватизации и дерегулирования, жестко внедрялись Минфином США, МВФ и Всемирным банком в экономическую политику развивающихся, а затем и развитых стран. *Результатом стало свертывание, а чаще исчезновение многих национальных производств, не выдержавших конкуренции с импортом.* Правда, некоторые меры, принятые в рамках консенсуса, способствовали снижению инфляции и временной стабилизации валютных курсов. Однако влияние этих положительных моментов несоизмеримо с нанесенным национальным государствам ущербом.

В Россию программу «Вашингтонского консенсуса» без каких-либо корректив в 1991 г. привезла группа американских советников во главе с профессором Дж. Саксом. Б. Ельцин, стремясь понравиться американской элите, сразу же одобрил ее, в т.ч. и потому, что рассчитывал получить финансовую помощь от США и Евросоюза. Но какой-либо помощи, кроме «разговоров о 24 млрд долл.», Запад не был в состоянии предоставить, поскольку сам переживал сильнейший экономический кризис. Однако влияние США на российскую политику было велико. Министерство финансов США совместно с МВФ реально руководили деятельностью правительства России, все те, кто был не согласен с проводимой политикой, считались консерваторами.

Деятельность правительства Гайдара — «либерал-реформаторов» — сторонников «чикагской школы» и «Вашингтонского консенсуса», с точки зрения Примакова и Хасбулатова, привела к разрушительным последствиям: «в течение одного года (1992 г.) России был нанесен материальный, финансовый, культурный и морально-нравственный ущерб, вполне сравнимый с тем, что принесло России гитлеровское нашествие»⁷.

От Горбачева к Путину (1991–2004 гг.)

«Путь России от Горбачева к Путину» — фундаментальное исследование американского профессора Дэвида Котца и его коллеги-журналиста Фреда Вира, является образцом последовательной критики принципов «Вашингтонского консенсуса». В предисловии 2007 г. авторы констатировали, что «за постоянные проблемы социального, экономического и политического развития России ответственна, прежде всего, чрезвычайно ущербная стратегия „шоковой терапии“, принятая в 1991–1992 гг. Упорное применение этой стратегии... на наш взгляд, обрекло Россию на непрекращающийся социальный и экономический упадок и разбило те демократические надежды, которые появились в конце советского периода...»⁸.

⁶ См. подробнее: Пискулов Ю. Россия — Запад: обратная сторона конфликта. Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, Deutschland. 2015.

⁷ Хасбулатов Р.И. Указ. соч. Т. 2. С. 108.

⁸ Котц Д., Вир Ф. Указ. соч. С. 13.

Осенью 1991 г. советник Ельцина Г. Бурбулис представил ему экономиста Е. Гайдара, который дал понять председателю Верховного Совета РСФСР, что Россия должна разработать свою собственную программу реформ, независимо от остальных республик Советского Союза. Это импонировало Ельцину, и он назначил энергичного молодого экономиста своим главным советником в ранге зампремьера, ответственного за экономическую реформу. Полагают, пишут авторы, что именно Гайдар написал знаменитую речь, с которой Ельцин выступил на Съезде народных депутатов 28 октября 1991 г.⁹ В этом «обращении к народу» говорилось, что необходим «реформенный прорыв», что «ощутимые результаты получим уже к осени 1992 г.», что все негативные последствия будут кратковременными. Хотя некоторые сторонники Ельцина сомневались в необходимости «шоковой терапии», но рекомендации западных экономистов и МВФ сделали свое дело — ведь они лучше всех знают о капитализме и о том, как его надо строить!

Уже к концу первого квартала 1992 г. произошел мощный спад экономики, началась гиперинфляция — цены возросли в тысячи раз. «Но, — как отмечает Хасбулатов, — этот очевидный факт не признавался Гайдаром»¹⁰.

По словам Котца и Вира, спикер российского парламента Хасбулатов на встрече с директором-распорядителем МВФ М. Комдессю якобы «решительно поддержал» позицию технократа — приверженца «шоковой терапии»¹¹. Однако сегодня Руслан Имранович категорически это отрицает.

Стратегия «шоковой терапии» действовала в России по 1995 г. включительно. Результаты этой стратегии описаны Котцом и Виром с использованием большого объема данных российской и зарубежной статистики.

Полки магазинов в Москве и Санкт-Петербурге, говорят авторы, действительно быстро заполнились широким ассортиментом товаров. «Но это не было результатом подъема производства... Единственным источником был приток ранее недоступных импортных товаров. Причиной быстрого образования товарного излишка на рынке стало не повышение предложения, а резкое падение покупательной способности потребителей»¹². ВВП России в 1995 г. упал на 42%, а промышленное производство — на 46%, инвестиции — на $\frac{2}{3}$. Отток капитала из страны в 1992–1994 гг. составлял от 50 до 100 млрд долл. ежегодно, многократно превышая приток западных прямых инвестиций и финансовой помощи (в целом за эти годы — 19,4 млрд долл.).

По словам Котца и Вира, нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о том, что применение «шоковой терапии» способствовало трансформации российской экономики в эффективную, передовую в технологическом отношении, ориентированную на потребителя процветающую капиталистическую систему. «„Шоковая терапия“ превратила Россию из искаженной карикатуры на социализм, как он представлялся Марксу, в столь же искаженную карикатуру капитализма, описанного Адамом Смитом»¹³. Ни одна из мер политики «шоковой терапии» на практике не сработала так, как ожидалось.

⁹ Там же. С. 204, 406.

¹⁰ Хасбулатов Р.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 104.

¹¹ Котц Д., Вир Ф. Указ. соч. С. 205.

¹² Там же. С. 212.

¹³ Там же. С. 226–228.

Анализируя фундаментальные дефекты стратегии «шоковой терапии», Котц и Вир приходят к выводу, что *она изначально не стыковалась с экономической системой, унаследованной Россией от советского социализма*. Реформирование российской экономики требовало сохранения крупных предприятий в руках государства, с низкими контролируемыеми ценами, с одновременным стимулированием создания новых государственных предприятий, ориентированных на рынок. Такой подход можно было бы назвать «стратегией двух секторов», предполагающей развитие нового рыночного сектора рядом со старым государственным, а не поспешное преобразование госсектора в частный рыночный.

Подобной стратегии с 1978 г. успешно следовал Китай. «Работая над преобразованием своей экономики в направлении рыночной системы, Китай не применял ни одной из ключевых составляющих «шоковой терапии»... Ключевое различие между российской и китайской стратегиями построения рыночной системы состоит в том, что стратегия Китая была разработана китайским руководством, которое было очень внимательно к специфике ранее существовавшей в Китае экономической системы и понимало преимущества постепенного экономического перехода, происходящего под государственным контролем»¹⁴.

Финансовый обвал в России 17 августа 1998 г. не только вызвал еще большие сомнения в неолиберальной модели, но и потребовал кратковременного отхода от нее. 10 сентября Б. Ельцин, под угрозой резолюции Думы об импичменте, предложил на должность премьер-министра Евгения Примакова, центриста по политической ориентации. Восьмимесячный период, когда Примаков возглавлял правительство, стал *уникальным в истории постсоветской России*. Во-первых, он характеризовался отходом от неолиберальной модели; во-вторых, всерьез началось преследование коррупции и расхищения государственных активов.

Хасбулатов отмечает, что люди впервые за много лет почувствовали, что наконец в стране появилось правительство, отражающее его интересы. В результате на короткий период времени наступила стабилизация. «На мой взгляд, — говорит он, — Россию тогда спасли три фактора: первый — приход к руководству правительством Евгения Примакова; второй — рост цен на русскую нефть (со второй половины 1999 г.); третий — Запад, который не мог позволить смести марионеточный режим Ельцина, а предпосылки к этому были основательные. Несколько позже такую же позитивную роль сыграло то обстоятельство, что к власти пришел Владимир Путин»¹⁵.

К весне 1999 г. популярность Примакова выросла настолько, что Ельцин стал беспокоиться о своем политическом выживании. Поскольку кризис правительством был в основном преодолен, к Ельцину вернулась уверенность в себе: 12 мая он отправил Примакова в отставку.

В целом, как справедливо отмечают Котц и Вир, обещания реформаторов превратить страну в процветающую и технологически передовую систему не были реализованы.

¹⁴ Котц Д., Вир Ф. Указ. соч. С. 240, 241.

¹⁵ Хасбулатов Р.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 172.

Разворот над Атлантикой

Евгений Максимович Примаков оставил глубокий и яркий след в экономике, политике и науке России. Разворот над Атлантикой — не только проявление решительности, означавшей закат ельцинско-козыревского угодничества «хороших парней» перед американской элитой. Он стал *началом поворота к самостоятельной политике России*, окончательную точку в котором поставил Путин в своей Мюнхенской речи в 2007 г.

Восемь месяцев, когда Евгений Максимович был главой правительства, он назвал «самым сложным периодом» своей жизни. Анализируя этот период, он подчеркивает, что августовский дефолт 1998 г. стал закономерным результатом курса, выбранного руководством страны в 1992 г.: «лица, принявшие на себя ответственность за экономическую политику России, величали себя „либералами“, подчеркивали свою связь с „чикагской школой“... пользовались полной поддержкой Запада... Отсутствие критики руководителей западных стран экономических реформ в России 1990-х гг. было связано и с политическими мотивами... Не хотели раздражать „брата и друга Бориса“? Но причина была более глубокой. На Западе, очевидно, опасались, что такая критика может объективно усилить в России позиции так называемых государственников»¹⁶. Примаков признается, что никогда не примыкал к либералам, «многих из них не любил и не уважал, но публично не выступал против их экономического курса»¹⁷.

По твердому убеждению Примакова, *у либерального подхода к экономике не может быть универсальной матрицы*. Но в России это было проигнорировано. Вопрос о способности российских предприятий выжить даже не рассматривался. Технология создания рыночной инфраструктуры заключалась в следующем: Минфин размещал бюджетные средства под низкий процент в избранных коммерческих банках, которые приобретали государственные казначейские обязательства (далее — ГКО) и на эти средства скупали высоколиквидные госпредприятия. Капитал практически отвернулся от финансирования российской промышленности и ушел на высокодоходный рынок ГКО, выступив главным образом в краткосрочной спекулятивной форме. В результате огромные суммы были выведены на Запад.

Псевдолибералы, лоббируя интересы кучки олигархов, перераспределили в их пользу российские сырьевые богатства. В свою очередь, олигархи сделали все, чтобы сохранить их у власти¹⁸.

Еще более критически говорят о взаимодействии российских неолибералов с олигархами Котц и Вир. Они жестко критикуют точку зрения, согласно которой деятели типа Березовского и Ходорковского — «всего лишь Рокфеллеры и Карнеги современной России». Нет, они больше похожи на таких американских спекулянтов, как Джей Гулд и Даниэль Дрю, «занимавшихся вопиющим воровством». В постсоветской России те, кто получил контроль над производственными предприятиями, вместо того, чтобы действовать, как Рокфеллеры и Карнеги, как правило, начинали не укреплять свои предприятия, а разбазаривать доставшиеся им фонды.

¹⁶ Примаков Е.М. Указ. соч. С. 234–235.

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ Там же. С. 235–236.

Если в США государство сделало все необходимое, чтобы создать благоприятные условия для производственных инвестиций, то в России власти убеждали всех в том, что государство должно уйти в сторону.

Но фактически, по словам Примакова, итогом курса 1990-х стал *не отход от власти в обмен на собственность, а сращивание власти с собственностью*, о чем можно судить по непосредственному окружению президента. Вершиной безответственного и непрофессионального экспериментирования стало решение 17 августа 1998 г. (мораторий на выплату держателям ГКО и облигаций федерального займа), последствий которого «реформаторы» не предвидели. «Российская криминализованная олигархическая система — следствие условий, созданных неолиберальной стратегией», — утверждает Примаков¹⁹. Сам он в качестве Председателя Правительства выбрал кейнсианский путь — усиление экономической роли государства, способствующего росту реального сектора экономики. В какой-то мере он ориентировался и на практику президента США Франклина Рузвельта 1929–1930 гг.²⁰

Назначением С. Богданчикова руководителем «Роснефти», прибыль от которой только за первую половину 1999 г. возросла в 17 раз, удалось опровергнуть один из главных «козырей» неолибералов о неэффективности государственной собственности. Удалось отстоять и естественные монополии, такие как «Газпром», МПС, РАО ЕЭС — крупные системы, скрепляющие единство огромной страны. Решающими для начала подъема экономики стали меры активного использования правительством благоприятной конъюнктуры. При этом, четверть прироста производства дало импортозамещение. Возрос экспорт, в т.ч. вследствие девальвации рубля.

Попытки представить улучшение положения лишь как результат роста мировых цен на нефть являются несостоятельными, поскольку рост цен начался лишь в марте 1999 г.²¹

Восемь месяцев, прошедшие с пользой для страны, «положили предел псевдолиберальной практике, затягивавшей страну в пучину перманентного кризиса. Уверен, что, несмотря на возможность зигзагообразного движения, уже никому не удастся загнать нашу экономику в это пагубное для России русло»²².

В написанной тремя годами позже книге «Мир без России?», основная идея которой — выявление обширных полей объективно совпадающих интересов России и США в образующемся многополярном мире, Примаков возвращается к теме развития высокотехнологичной экономики на основе государственно-частного партнерства²³.

Мировой экономический кризис 2008 г. и последующее осложнение отношений России с Западом ведут к переосмыслению ряда идей, которые долгое время лежали в их основе, в частности, с западными финансовыми и технологическими центрами. Внешние источники перестают быть основными в финансировании нашей экономики. Надо сконцентриро-

¹⁹ Котц Д., Вир Ф. Указ. соч. С. 289–292.

²⁰ Там же. С. 243.

²¹ Там же. С. 233–254.

²² Там же. С. 343.

²³ См.: Примаков Е.М. Мир без России? М.: Российская газета, 2009. С. 45–50.

ваться на поиске оптимальных решений, способных вывести страну из тяжелой экономической ситуации. Причин такого положения, по словам Примакова, множество: отказ от вливания значительной части накапливаемых средств в реальную экономику; их вложение в американские ценные бумаги; отсутствие мер по увеличению капитализации российских банков и ликвидности всех звеньев финансовой системы; поощрение получения кредитов из зарубежных источников; неиспользование налоговой системы для стимулирования инновационного развития экономики; запоздалое принятие новой промышленной политики; недостаток мер поддержки высокотехнологичного производства и экспорта.

И, наконец, необходимым атрибутом антикризисного управления должна стать обязательная для всех министерств, ведомств и субъектов хозяйственной деятельности жесткая дисциплина. В 1998 г., вспоминает Примаков, когда один из министров сказал, что не сможет выполнить поручение, ответ председателя правительства был немногословен: «Не подпишете, завтра на ваше место придет другой, который подпишет»²⁴.

Много внимания в этой книге уделено проблемам мироустройства с участием России, что особенно актуально сегодня, в кульминационный момент противостояния Запад — Россия.

В США, после трагических событий сентября 2001 г., большое влияние на внешнюю политику страны оказали крайне правые республиканцы, особенно неоконсерваторы, заложив теоретический фундамент под идею «глобальной гегемонии» США. Видный неоконсерватор Пол Вульфовиц, чиновник Пентагона и Госдепа, в 1992 г. подготовил «Руководство по оборонной политике», где кредо неоконсерваторов сводилось к тому, что США не должны допустить появления глобального противника, такого как СССР; для защиты своих интересов следует применять силу, не обращая внимания ни на ООН, ни на постоянных союзников, которые обязаны следовать за США. Акцент был сделан на превентивном характере единоличного применения силы, в т.ч. с целью изменения не устраивающих США режимов в других государствах²⁵.

Упор на одностороннее применение силы объективно сталкивает США с международными институтами, основанными на многосторонних механизмах поддержания мира и безопасности, в первую очередь, с ООН. Среди правой части американских республиканцев все четче стал звучать тезис: современным условиям адекватна НАТО, которая может с большей эффективностью выполнять функции ООН²⁶.

В заключении книги Примаков говорит, что все, что нужно России, — это уважительные и равноправные отношения с Западом, а те, кто считает, что антиамериканизм генетически заложен в политику России, заблуждаются. Так в чем же дело? — задается он вопросом. — Неужели так сильна инерция восприятия России в качестве наследницы СССР времен холодной войны? Главное, наверное, в другом: *Россия поднимается* и заявляет о себе как о полноправном игроке на международной арене²⁷.

²⁴ Котц Д., Вир Ф. Указ. соч. С. 127, 129–130.

²⁵ Там же. С. 35.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Там же. С. 236.

Завещание Примакова

Книги, выступления, плодотворная работа на благо России представляют собой своеобразное завещание Е.М. Примакова. Но не для всех. Вряд ли стоит неоллибералам искать в них ответы на свои вопросы или записать Примакова в свои ряды, хотя они и пытаются это сделать.

В статье доцента Института общественных наук РАНХиГС Е. Шульман «Наука о переворотах», опубликованной в газете «Ведомости» (02.02.2015 г.) говорится, что манифестом для «седьмой колонны» в России, которую якобы образует ближайшее окружение Путина, является программная статья Примакова в январском (2015 г.) номере «Российской газеты». По существу она — изложение его последнего доклада-послания на очередном заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2015 г., посвященного экономической децентрализации, воспитанию патриотизма и «снисходительному отношению к нашим псевдолибералам». В другом месте Шульман, пишет, что никто лучше патриарха Примакова не подходил на роль символа нашей коллективной бюрократии²⁸. На следующих страницах газеты в большой обзорной статье говорится, что Примаков был человеком либеральных взглядов, прислушивался к рекомендациям либералов в своем правительстве, продолжал ту же линию, что и предыдущие правительства²⁹.

А. Рубцов — философ-идеолог российских неоллибералов и неутомимый критик существующего режима в «Ведомостях» от 7 августа 2015 г. пишет о якобы состоявшемся у нас развороте в идеологии «а-ля Примаков: от будущего к прошлому...» Это утверждение говорит о полном непонимании философом научного подхода Евгения Максимовича, всегда устремленного в будущее.

Сам мэтр в докладе на заседании «Меркурий-клуба» 13 января 2014 г. прямо говорит «о необходимости противодействия политике неоллибералов в России» и о коренном отличии этой политики от истинно либеральных идей. Главным пороком платформы российских неоллибералов он считает «уход государства из экономики». По его словам, *рыночный механизм без госучастия не способен обеспечить ни рост, ни сбалансированность экономики, ни ее высокую технологичность и социальную справедливость*. Наши неоллибералы, помимо прочего, не учитывают уроки кризиса 2008–2009 гг., тогда как в США и Евросоюзе во время кризиса было усилено влияние государства на экономику³⁰.

Отказ от реиндустриализации российские неоллибералы нередко рассматривают как условие вхождения России в постиндустриальную стадию. Хотя в тех же постиндустриальных США сегодня наблюдается тенденция восстановления (для покрытия внутреннего спроса) производств, вытесненных ранее в развивающиеся страны, — отмечает Примаков. Ратуя за со-

²⁸ См.: Шульман Е. Религия политического тяжеловеса / Ведомости, 29 июня 2015 г.

²⁹ См.: Ясина Е. Как далеко наше общество от истинной демократии / Ведомости, 29 июня 2015 г.

³⁰ Автор рецензии совместно с акад. РАН Д. Львовым еще в 2005 г. предупреждал, что невнимание к развитию государственного сектора экономики является угрозой национальной безопасности, особенно с точки зрения утраты рычагов воздействия на экономический рост (см.: Экономика. 2005. № 5. С. 95).

крашение бюджетных трат на военную промышленность, неоллибералы преуменьшают их геополитическое значение (для обороноспособности страны), недооценивают роль «органичной технологической связи оборонных и гражданских отраслей промышленности», являющейся одной из важнейших предпосылок экономического роста в России.

Жизнь заставила ряд руководителей, придерживающихся неоллиберальных взглядов, продолжает Примаков, отступить от своих первоначальных представлений. Речь идет, например, о министре финансов А. Силуанове. Мэтр предупреждает, что Россия опять стоит перед выбором: между цивилизованными рыночными отношениями и засильем монополистических групп; между социально ориентированной экономикой и таким развитием, при котором значительная часть населения живет за чертой бедности; между законами, обязательными для всех, и беззаконием и коррупцией; между укреплением федеративных связей и сепаратизмом; между повышением роли государства под реальным контролем общества и диктатурой. В докладе-послании «Меркурий-клубу» говорится также о недооценке оптимизации отношений по линии «Центр – регион». Речь идет о более обоснованном распределении бюджетных средств между субъектами Федерации, что является, по его мнению, важнейшей составляющей диверсификации экономики России. Значимость такой оптимизации возрастает на фоне событий в Украине³¹.

Сказанному созвучны слова Хасбулатова, который напоминает, что «не стоит забывать, что Россия представляет собой государство, уникальное по пространственной протяженности, социально-экономической и полиэтнической диверсификации. Само ее существование зависит от характера и успешности региональной экономики»³².

«Противоборство с неоллиберальным уклоном будет нашим обществом, нашим государством выиграно!» – считает Примаков. Заключительная глава рассматриваемой монографии содержит оценку роли президента Путина в становлении России как независимой державы глобального масштаба. Путин – самостоятельный политик. Он не стал выполнять роль, уготованную ему теми, кто называл его преемником Ельцина. Он пошел на ряд мер, которые выправляли перекосы и реально прокладывали пути к цивилизованному рынку³³. Складывающийся многополярный мир – наилучший вариант для диверсификации политики России, что Путин и осуществляет на практике³⁴.

Напутствия Примакова особенно актуальны сегодня, как и последние слова его книги: «Нелегко пройти этот путь в России с ее драматической историей, особенно после грубых ошибок, сделанных в 1990-е гг. Не застрахован от ошибок и Путин. В ряде случаев ему придется идти на решительные действия. Но путь, который уже пройден Россией под его руководством, внушает оптимизм»³⁵.

³¹ См.: *Примаков Е.* Не просто работать, а знать во имя чего / URL: <http://www.rg.ru/2015/01/13/primakov-site.html>.

³² *Хасбулатов Р.И.* Указ. соч. Кн. 2. С. 154.

³³ *Примаков Е.* Минное поле политики... С. 349–350.

³⁴ Там же. С. 360.

³⁵ Там же. С. 361.

* * *

Можно было бы закончить сказанным. Но не стоит игнорировать выводы других рецензируемых исследований.

Котц и Вир задаются вопросом, отказывается ли Россия при Путине от неолиберальной модели с переходом к модели госкапитализма? Их ответ: «до сих пор (до 2006 г. — *Ю.П.*) нет никаких признаков того, что российское государство при Путине превращается в „государство развития“. Пока мы имеем авторитарное централизованное государство с сохраняющейся приверженностью к неолиберальной экономической модели. Чтобы изменить положение, Путин должен вступить в конфронтацию не только с несколькими непокорными олигархами, но и со всем новым имущим классом»³⁶. Его представители считают, что приверженность неолиберальной политике не уникальна для России. Неолиберализм остается влиятельным, сохраняя статус «господствующей ортодоксии» во многих странах, хотя эта политика нигде в мире не привела к обещанным результатам³⁷.

Выводы американских исследователей весьма спорны. Не со всем можно согласиться, например, с отождествлением авторами российской политической системы с «режимом серийного хищничества». Этому западному клише в книге не хватает доказательной базы. Завершающая же глава содержит интересные, нехарактерные в целом для североамериканской экономической школы, взгляды. Они, скорее, марксистские. «Трактовать гибель государственного социализма как конец социалистического вызова капитализму — преждевременно... Потерпела поражение искаженная версия социализма, а не социализм как таковой... Важнейший урок опыта и краха советской попытки построить социализм — в том, что мы присутствуем не при конце, а все еще при начале социалистического вызова капитализму»³⁸.

Во всяком случае, в «здании капитализма» появились серьезные трещины, что подтверждается в монографии Хасбулатова «Закат рыночного фундаментализма». Вывод автора касается каждого: «Обществу (не только правительству) следует сделать выбор: будет ли оно и далее руководствоваться окончательно рухнувшей методологией и догматическими конструкциями неолиберально-монетарной политики, либо берет на вооружение иные подходы... Речь идет о заимствовании целого ряда кластеров как от восходящей социалистической формации, так и от не потерявших своего значения цивилизованных черт уходящей в прошлое капиталистической...»³⁹.

³⁶ Котц Д., Вир Ф. Указ. соч. С. 347, 349, 352.

³⁷ Там же. С. 431.

³⁸ Там же. С. 369.

³⁹ Хасбулатов Р.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 454, 477.